

„ВСЕ-ТАКИ ПОЧЕМУ МЫ ТАКИЕ?!“*

Некоторые литераторы искренне убеждены, что создание положительных образов — дело, конечно, благородное, но... весьма неблагоприятное. Очень легко, мол, впасть в схему, выдать желаемое за действительное. Положительные люди — они, дескать, и в жизни какие-то чересчур правильные, скучноватые. Отрицательные — они... живописней, что ли.

Первыми же своими шагами в литературе Владимир Куропатов начисто отвергал подобную точку зрения. Рассказы его были густо населены персонажами положительными — в полном смысле этого слова. Герасим Гаврилович Корсаков — сельский учитель литературы, который за ответы, вы зубренные из учебника, ставит «ноль», а по-настоящему оригинальную мысль готов оценить отметкой «шесть» (по «семибалльной системе»); Федор Терентьевич Шеголихин — мастер на все руки, лукавый, мудрый, настоящий деревенский философ («На добрую память»); неуклюжая, простоватая, но такая трогательная в своей любви Дуся («Про Дусю»); и, конечно, Федор Петрович, отец рассказчика, утверждавший, что труд должен быть для нас так же необходим, как молитва — верующим («Имя отчее»).

Владимир Куропатов писал о реальных людях, когда-то глубоко запавших в его душу. Он ничуть не приукрашивал их, но и не окарикатуривал. И сама собой вытекала «тенденция»: герои Владимира Куропатова своим существованием подсказывали нам: добро — это естественное, нормальное состояние человека. Обжитый, светлый, надежный мир, где светит «зеленый луч» — вестник добра... Казалось, что так счастливо нашедший свое лицо писатель в дальнейших своих произведениях продолжит художественную разработку этого мира. Но все произошло гораздо сложнее.

В произведениях, написанных Владимиром Куропатовым в последние годы, начала подспудно звучать, все усиливаясь, другая, до этого совсем не свойственная ему интонация — интонация тревоги. Именно эта инто-

нация определила настрой двух его новых книг.

Герой рассказа «Ржавые гвозди» плотник Василий Сидоркин, или Сидорка, как попросту кличут его односельчане, ремонтируя ограду, ловит себя на том, что не выбрасывает старые гвозди, а распрямляет их «изъеденные ржой до того, что шляпки иных держатся на тонюсеньких шейках... Пустую, зряшную работу он делает. Вот и вопрос: зачем?»

Перед Сидоркой часто встают разные «зачем это?», «почему то?» Вопросы эти — как патроны в старой отцовской берданке: «и не выстреливает патрон, и не вынимается, будто он там прирос». Вот и называет их Сидорка «берданистыми вопросами».

«Берданистые вопросы» — беда и мука Сидоркина. «И ответа — хоть ты лоб расшиби — не дашь, и не отступают они. К примеру, Митька Сухов и еще какой-то там не поделили вчера пивную кружку. Спорили, спорили, да и давай друг друга тузить, правоту доказывать. Почему? Почему не словами, как началось, а кулаками, болью, будто болью люди думают?»

Пришел Сидорка на покос, и глаза его тут же уперлись в груды металла под старой березой. Это он, Сидорка, собрал разбросанный по полям хлам. Собрал и попросил главного инженера Петра Боброва, своего друга детства, дать машину, чтобы вывезти металлолом.

«— Прямо и не знаю, как тебе помочь.

— Да почему мне-то? Это я тебе полпла-на сделал, — напомнил Сидорка. — Как говорится, безвозмездно. Дашь транспорт, и погрузить помогу...

— Как-нибудь вывезем, — пообещал Бобров».

Трижды напоминал Сидорка об этом обещании, но металлолом и ныне там. А на днях Василий оказался свидетелем прямо-таки страшной картины: шофер Митька Сухов съехал ячмень под колеса забуксовавшего грузовика.

«— Мерзавец! Ах ты, мерзавец! — смотрел вослед машине Сидорка. Его колотило... — Вот! — Сидорка поднес пригоршню грязного ячменя к лицу главного инженера.

— А я черт знает что... Думал, чепа...»

* Владимир Куропатов. Середина жизни. М.: Современник, 1984; Плоть от плоти. Кемерово, 1985.

Но именно как ЧП воспринимает подобные случаи Сидорка. Он пишет заметку в районную газету, а когда заметку долго не публикуют, он отправляется в город сам...

У Константина Науменко, героя, а вернее, антигероя рассказа «Следствие», жизненная философия проста: «Ты — мне, я — тебе». Он искренне презирает братьев своей жены: «Один из них был учителем, другой бухгалтером, и оба с блажьей толкуют про совесть да правду, а у самих по одним штанам...»

И сына Константин растит так, «чтобы со временем узнать в нем самого себя». Когда после окончания десятилетки Валька со своим другом Женькой Моргуновым засобирались в медицинский институт, Константин решительно возразил. И настоял, чтобы Валька пошел на курсы шоферов. Когда тот совершил свой первый «калымный рейс» — привез из райцентра пианино учителю, отец с жадностью спрашивает:

«— Сколько... Петрович... из кармана-то? Не горсть же семечек?..»

— Как?! — Константин был до того ошарашен, что нога соскользнула с педали газа, машина дернулась и заколыхалась. — Серьезно, не взял? Деньги-то?

— Нет, конечно.

— Да ты что? — не верил отец.

— Он же мой учитель, а я буду...

— Дура! — Обозлился Константин. — Болван! Бывший учитель! А теперь — клиент!»

Нелепая и грустная история произошла с механизатором совхоза «Заря» Василием Валовым (рассказ «Односельчане»). Здесь, в этом совхозе, провел он всю жизнь, люди знали его и уважали. Нередко и районная газета о нем писала.

И вдруг — газетная заметка совсем иного рода: «Районными народными контролерами установлено, что механизатор совхоза «Заря» В. Валов прошлым летом похитил на строительстве животноводческого комплекса шифер и покрыл им собственную баню».

Это явная нелепость. Что-то напутали там, в районке. Валов спешит к своим односельчанам в полной уверенности, что любой из них напишет опровержение на эту заметку, подтвердит его, Василия, честность.

Но все происходит, как в страшном сне. Люди, которых Валов считал своими надежными друзьями, становятся какими-то зыбкими, нереальными. Василий хочет опереться на них, но его руки хватают пустоту.

К счастью, все быстро выясняется. Воровал однофамилец Валова из другого совхоза. В районной газете появляется поправка.

«— Ну вот и все ясно стало. А ты переживал. Да иначе и быть не могло! — Правду кривда не заслонит!» — поздравляют Валова односельчане. А он, чувствуя себя усталым и разбитым, лежит на кровати и думает:

«Какие мы все... Но все-таки, почему мы такие, а?».

Тот же самый вопрос — почти слово в слово — задает и уже упоминавшийся Сидорка, и пожилой рабочий Анисимов, которого доводят до инфаркта продавцы, слившиеся для него в один образ Глыбы — «бесчувственной, темной, неотесанной, необоримой» (рассказ «Сюрприз»).

Итак, в сборнике мы видим нового Владимира Куропатова — писателя резкого, тревожащего наши души, задевающего в своих рассказах «болевые точки» современности. Но такого уж нового? Мне кажется, что он совершил нелегкий, но вполне закономерный шаг. Да, конечно, — «блажен незлобивый поэт». Но не зря сказано, что если мир дает трещину, она проходит через сердце настоящего писателя. Владимиру Куропатову делает писательскую и человеческую честь, что он смело стал поднимать наболевшие вопросы. Ведь умалчивать о болезнях — оказывать плохую услугу больному. «Приписки» в литературе повредней приписок в экономике.

Советская литература всегда была сильна тем, что не только замечала и пестовала ростки нового, но и первая же сигнализировала об искажении идеалов. Довольно часто писатели в таких случаях прибегают к сатире, гротеску. Прием плодотворный. Единственный его недостаток: действительность порой трансформируется сатириком до такой степени, что у читателей создается впечатление: безобразия происходят в каком-то тридесатом царстве и к нам с вами не имеют никакого отношения.

Владимир Куропатов остается верен складу своего таланта. Действительность он изображает «в формах самой действительности» — объективно. Но это не беспристрастная констатация фактов, ведущая к бескрылому натурализму. Писатель старается проникнуть за оболочку явлений, «высветить» то, что кажется малозначимым, второстепенным, а на деле играет немаловажную роль. Он ведет художественный анализ современности, и оттого, что анализ этот основан на истинном положении дел, он обретает силу неотразимой убедительности.

Пустячный вроде бы факт — прямление ржавых гвоздей — под внимательным оком писателя приобретает глубокий смысл. Он вырастает до размеров тревожного символа. От ржавых гвоздей перебрасывается ассоциативный мостик к душам, подернутым ржавчиной.

— Почему? Почему? Почему? — не устает вопрошать писатель. — Почему мы становимся такими?

Правильно поставить вопрос — это уже,

значит, наполовину ответить на него. Но Владимир Куропатов не удовлетворяется этим. Он пытается разрешить хотя бы некоторые из «берданистых вопросов».

И вот он, его главный вывод: с моральной ржавчиной можно бороться только путем абсолютной правды. Недаром народная мудрость отождествляет ложь со ржью. Полуправда — та же ложь, только принаряжена в более привлекательные одежды.

Некоторые люди — писатель правдиво рисует их портреты — убеждены в обратном. Такова сотрудница районной газеты Тарышкина, к которой приходил наш правдоискатель Сидорка. Выслушав его, она говорит: «— Очень уж страшные факты вы приводите. — Правильно. Но уж такие случились.

— Какое, думаете, впечатление создается у читателя? А такое, будто у нас везде под колеса подсыпают вместо гальки зерно, будто наши леса завалены металлоломом. Что о нас, о нашем районе то есть, подумают?..»

Как знакома каждому из нас эта прикрывающаяся благами намерениями, но лицемерная в своем существе фраза: «А что подумают другие?».

Поэтому снова и снова Куропатов затрагивает тему правдивого печатного слова. Сам опытный газетчик, он прекрасно знает, каким сильным оружием правды оно может быть и сколько вреда способно принести в руках человека со ржавой душой. Вот и к злоключениям Василия Валова самым прямым образом причастна районная газета.

Когда Василий прочитал о себе в газете хвалебный очерк, ему «немного не по себе стало. Нет, все складно, хорошо, и врожденного не придумано, а чего-то людям на глаза появляться стыдно было».

Недаром чем-то покоробила эта статья Валова: она была написана равнодушной рукой, пустым сердцем. Ведь «благодаря» этому же бойкому корреспонденту появилась и заметка, обвиняющая Василия в краже. Нисколько не усомнился журналист, что человек, которого он воспел самыми высокими словами, способен на плохой поступок.

Абсолютная правда предполагает и личную ответственность каждого. Увы, с этим тоже... дефицит.

Когда после хождения Сидорки в район недостатки, наконец, были устранены, он с некоторым недоумением думает: «Только чуть сверху рыкнули, страху нагнали, и все мигом обернулось другой стороной и чуть ли не само сделалось... Уже месяц в магазине спичек нет. Значит, что? — садись Сидорка, или кто другой, катая жалобу? Для верности сразу в Кремль?» Снова — «берданистый вопрос»...

Свободный труд предполагает высокораз-

витое сознание, а говоря попросту — человеческую совесть. К понятиям «совесть», «честь» и апеллирует все чаще Владимир Куропатов. Как правило, это не просто индивидуальные качества его героев. В них спрессованно все то лучшее, что вынес народный дух из тяжелых испытаний. Прежде всего — из испытаний Великой Отечественной войны. «Хлеб и железо — без них нет человеческой жизни. Так война доказала. Лично мне», — размышляет Сидорка...

Это она, память о войне, продиктовала Владимиру Куропатову рассказы «Блокадный хлеб» и «Плоть от плоти».

«Мы всегда виноваты перед погибшими» — так назвал одну из своих книг старший товарищ Куропатова Владимир Мазаев. Достойны ли мы памяти тех, кто отдал свои жизни, чтобы жили мы? — этот вопрос настойчиво звучит и в рассказах Куропатова. И он с горечью отвечает на него: «Нет, далеко не всегда».

Отдельно хотелось бы поговорить о большом рассказе (или маленькой повести) «Черный мальчик и белое облако». Он — о последствиях «добровольного безумия» — пьянства.

«Аркашка Макаренко и человек и работник был», — говорят люди. К сожалению, только был.

Хорошим работником был и токарь Витяка Ивлев. Более того, он был по-настоящему счастливым человеком. Не каждый может похвастаться такой женой, как его Ольга: умная, добрая, уступчивая.

Трагична судьба Аркашки. Черный мальчик — плод его пораженной алкоголем психики — уговорил-таки Аркашку покончить жизнь самоубийством. Попадает под следствие нахулиганивший по пьянке Ивлев.

Очень точно, психологически верно показано, что жена Виктора, любящая и любима, желающая ему только добра, в конечном счете только способствует его падению. Еще в ранней юности она приучила себя попросту не замечать неприятных вещей или как можно быстрее забывать о них, повторяя про себя нехитрую формулу: «Этого не было».

В прошлом году вышло Постановление о борьбе с пьянством, а у Куропатова на эту тему уже рассказ готов, подумает кто-нибудь. Чтобы у читателей не сложилось обманчивого представления о легкости, с которой писатель «строгает» произведения на актуальные темы, напомним, что рассказ этот написан до Постановления и опубликован в 1984 году в «Огнях Кузбасса». Я был также свидетелем того, какую огромную работу проделали Владимир Куропатов и журналист

Владимир Сухачкий, подготовившие цикл радиопередач под общим названием «Трезвость — норма нашей жизни» (цикл отмечен премией областной организации Союза журналистов).

Авторам передач не доставляло, конечно, удовольствия вести репортажи из «злых мест», вытрезвителей, ЛТП. Но ими двигало сознание: «бывших людей» станет меньше, если всем миром навалиться на эту страшную болезнь. Прежде чем написать художественную историю болезни двух людей — Аркашки Макаренко и Витьки Ивлева, писатель изучил не одну историю настоящих. Писатель остался верен своему главному принципу: изображать жизнь не предвзято, в ее реальных противоречиях.

Но заметно усилилось субъективное начало. Если раньше автор, как правило, был «скрыт» за своими героями, то теперь, не удовлетворяясь этим, он все чаще выходит на авансцену и открыто излагает свое кредо. Иногда это усиливает эмоциональное воздействие, но не так уж редко и приносит ущерб художественному единству. Желание поставить точки над «i», разрешить все острые вопросы жизни приводит к однозначности и упрощенности. Автор как бы не доверяет читателю и заново растолковывает ему то, что и так вытекало из объективного содержания рассказа. Например, рассказ «Калека» — о человеке, искалеченном не столько физически, сколько духовно, заканчивается так: «А мне кажется, что это не мальчишки, а сама жизнь обходит калеку стороной». Чересчур уж это прямолинейно.

Наметившаяся публицистичность иногда оборачивается газетными штампами. «Никитин слыл человеком энергичным, пробивным и трезвомыслящим. За два года его директорства комбинат заметно преобразился. Почти наполовину преобразился станочный

парк, построена своя котельная, расширены вспомогательные службы, сдано несколько жилых домов, повышена зарплата рабочих и до минимума сокращена текучесть кадров», — подобное вряд ли украсило бы обычную газетную зарисовку.

Крупным художественным просчетом кажется мне авторская попытка вывести пьянство Витьки Ивлева из грешков его начальства, предложивших Ивлеву точить балясины для нужного фабрике человека. Витька отказывается. И начинает пить — то ли с горя, то ли в знак протеста. Как будто у него не оставалось никакого иного выхода!

Чувствуется, что автору хотелось, помимо пьянства, затронуть и другие негативные явления. Он связал их в один узел. Спору нет: многое из того, что омрачает нашу жизнь, каким-то образом связано между собой. Но эта связь далеко не так проста.

Впрочем, подобные просчеты в новых книгах Владимира Куропатова — редкость. Абсолютное большинство рассказов художественно убедительны.

— Не слишком ли того... мрачно? А что подумают вверху? — возможно спросит, прочитав их, старая газетчица Тарышкина.

Успокойтесь. Читатели будут благодарны автору. Сейчас, когда ведется особенно решительная борьба с негативными явлениями в нашей жизни, такая проза очень нужна. Проза открыто социальная, беспощадно правдивая, жестковатая, но ярко освещенная изнутри светом писательского идеала. Вера писателя в добро стала более активной, наступательной. Мало — любить добро. Для того чтобы сбечь его и приумножить, нужны ежедневные усилия, неутомимая работа наших душ.

В. ШИРЯЕВ